

А. П. ОКЛАДНИКОВ

ДРЕВНЕЙШИЕ НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ СЕВЕРНОЙ АЗИИ

В верховьях реки Лены, между Качугом и Верхоленском, у дер. Шишкино высятся скалы «Шишкинской шаманки», древней священной горы бурятских племен. Как это часто бывает, на читых шаманистами шишкинских скалах расположены древние наскальные рисунки, с наличием которых и связано, обыкновенно, почитание таких скал.

Писаницы шишкинских скал, ставшие известными еще в первой половине XVIII в., но затем забытые на двести лет, замечательны как своим обилием, так и разнообразием. Среди них может быть выделено поэтому несколько разновременных групп изображений. В том числе имеется одна группа, значение которой для древней истории выходит далеко за пределы Прибайкалья и Восточной Сибири, хотя она и представлена на шишкинских скалах всего лишь тремя изображениями.

Первый рисунок остался не замеченным нами при первоначальном беглом обследовании шишкинских скал в 1929 г., хотя он и является здесь самым крупным. Его удалось найти и полностью понять только при более детальном изучении всей колоссальной площади шишкинских скал, осуществленном в 1941 г.

Изображение это обнаружено неподалеку от старой шишкинской мельницы на самом верхнем ярусе обнажения красного песчаника, в районе условно выделенного нами «тридцатого камня», на высоте около 40—60 м над уровнем реки. Оно занимает большую часть вертикальной, слегка наклонной книзу, гладкой плоскости довольно большого утеса (рис. 1). Утес сильно выветрился и даже побелел от времени. Его поверхность местами стала ноздреватой и, несмотря на довольно значительную твердость песчаника, вздувается пузырями и шелушится, отпадая мелкими кусочками-пластинками.

Древний рисунок выполнен краской. С первого взгляда он издали может остаться незамеченным, так как его выцветшие и поблекшие линии сливаются с остальным скальным фоном и не имеют резко очерченных границ на местах соприкосновения с неокрашенной частью скалы. Издали сначала становятся заметными только две почти параллельные, довольно широкие полосы, пересекающие скалу сверху вниз, с плавным изгибом посередине. Затем, на более близком расстоянии, выявляются и другие части изображения, обнаруживаются его детали. Оказывается, что две параллельные широкие линии с плавным изгибом вверху образуют хвост животного, а кроме них имеются еще и другие, менее заметные линии, обрисовывающие большое туловище животного, его ноги и часть головы

Кое-где эти линии рисунка ощущаются только как еле заметное изменение общей светлой окраски скалы, переходящей постепенно в более темный и теплый розоватый оттенок. Местами они прерываются, так как камень здесь особенно сильно выветривается с поверхности (рис. 2). Краска, которой изображение нанесено, бледнокрасная с нежным лиловым оттенком в некоторых местах.

Животное изображено одним линейным контуром и строго в профиль, головой влево от зрителя. Размеры рисунка необычно велики: длина его 2.8 м, ширина (высота) 1.5 м (рис. 3).

Изображает он, судя по всем признакам, лошадь, о чём свидетельствует, прежде всего, наличие длинного и широкого хвоста, безусловно лошадиного по типу, а также характерная форма головы и общие очертания туловища. Туловище животного, в целом, массивное и относительно широкое, почти квадратное по своим пропорциям, с большим, выпуклым и как будто отвисшим брюхом. Голова коня по ее относительным размерам тяжелая, но небольшая, морда короткая, очерченная одной плавной и сильно выпуклой кривой линией, горбоносая, с мягко очерченным ртом. Верхняя губа значительно длиннее и больше нижней. Шея несоразмерно короткая и крутая, с резко подчеркнутым сразу же под ней выступом грудных мышц.

Соответственно общему строго профильному характеру изображения, на нем показаны только две ноги — задняя и передняя. Обе они, сравнительно с туловищем, довольно короткие. Нижняя часть обеих ног непропорционально короткая и тонкая. Они сильно изогнуты, и при этом задняя нога слегка откинута назад. Передняя же нога выдвинута вперед, и на ней отчетливо выделено копыто, наклонно поставленное на передний конец, как это бывает при ходьбе, когда лошадь поднимает ногу и ставит ее на землю. Копыто это изображено, однако, очень своеобразно: оно скорее напоминает короткую заостренную ступню. На задней ноге копыто нарисовано точно так же, как и на передней, но не столь заострено.

К сожалению, верхняя часть рисунка у головы и на спине не может быть прослежена полностью. Следует полагать, однако, что гривы здесь изображено не было, так как линия спины в этом месте вплотную подходит к нависающему над ней скалистому карнизу. Здесь хорошо виден небольшой горб, соответствующий реальному горбу над лопатками лошади. Далее, по направлению к хвосту, линия спины уцелела очень хорошо. Широкая и отчетливая, она плавной и слегка выпуклой кривой оконтуривает круглый круп животного и после этого расчленяется на три особых линии. Одна из них, верхняя, непосредственно переходит в наружную линию хвоста, другая отмечает впадину для репицы хвоста и выпуклость крупа, а затем очерчивает заднюю сторону ноги. Третья образует внутреннюю сторону хвоста.

Очертания хвоста намечены, таким образом, двумя параллельными широко расходящимися внизу толстыми линиями. Хвост длинный и пышный, широко распущенный внизу. Эта деталь, повидимому, имела особое значение в глазах художника как наиболее характерная видовая особенность изображаемого животного, почему он и придал хвосту относительно крупные размеры, одновременно подчеркнув его пышность. Особо тщательно выделен на рисунке, кроме того, кривой и загнутый вперед *penis*, с хорошо заметным утолщением на конце, должно быть в состоянии эрекции, не оставляющий сомнения в том, что художникставил своей целью изобразить именно самца, жеребца.

Изображение лошади дополнено внизу, под хвостом, сильно пострадавшей от выветривания, но еще достаточно отчетливой в целом горизонтальной линией в виде зигзага. Можно было бы предположить, что

Рис. 1. Шишкино. Вид на скалу с изображением дикой лошади и на соседний участок долины р. Лены.

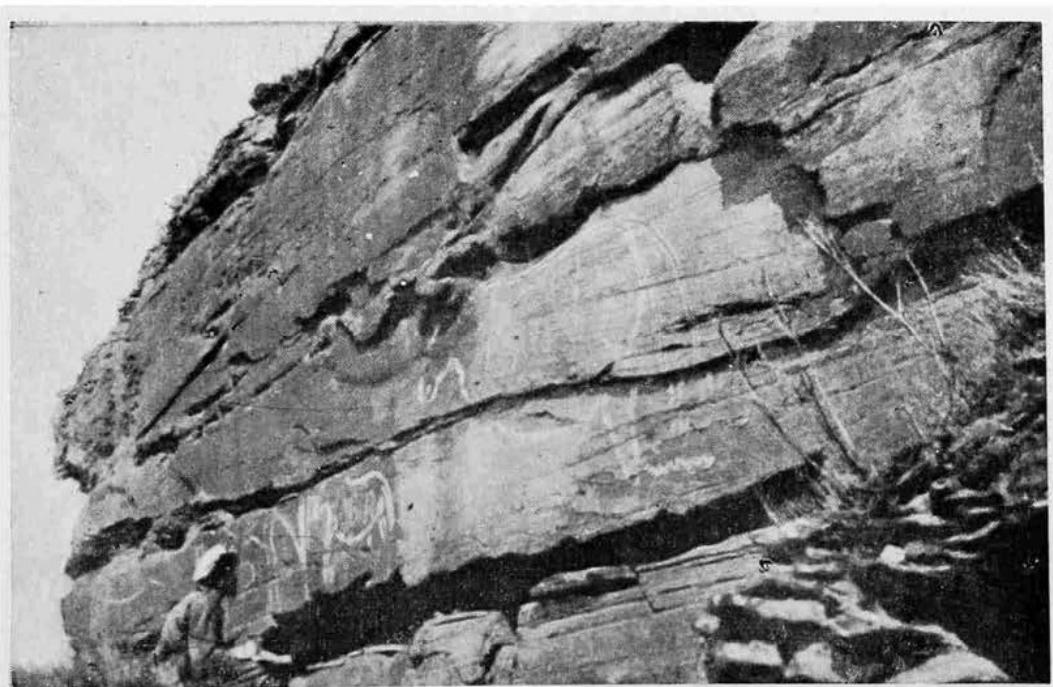

Рис. 2. Шишкино. Большой и малый рисунки дикой лошади.

этот зигзаг изображал бахромчатый низ хвоста, но такому допущению противоречит его значительная длина — левый конец зигзага вплотную соприкасается с коленным суставом лошади. Под брюхом коня имеется, кроме того, миндалевидная фигура, обращенная расширенным концом вверх, а заостренным вниз. Слева же от передней ноги коня видны, один над другим, два знака в виде овальных пятен, а с правой ее стороны такой же, но более широкий и искривленный в виде буквы L знак, лежащий горизонтально. Все эти знаки и зигзаг изображены, как и сама фигура коня, светлокрасной краской и заметны бывают только лишь после смачивания скалы водой и при самом внимательном рассматривании ее влажной поверхности. Как и основной рисунок, они сохранились лишь на древней скальной поверхности, не тронутой выветриванием.

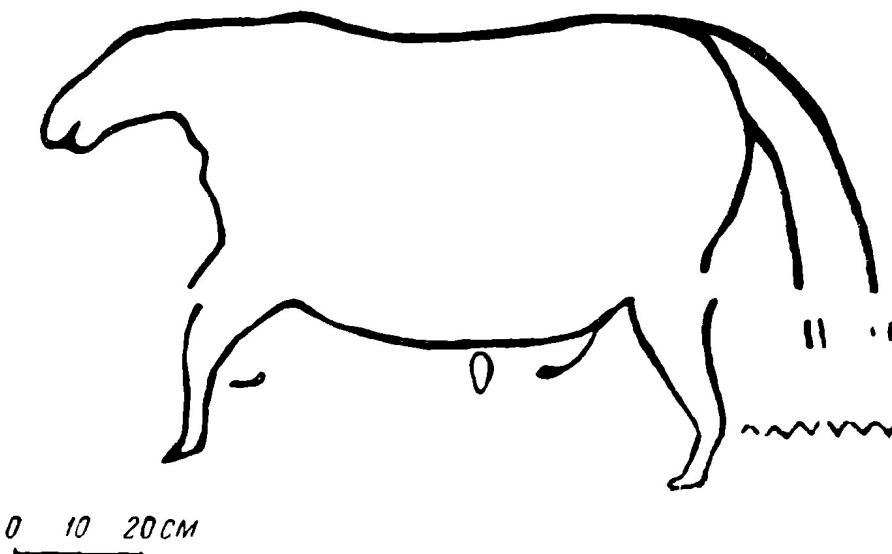

Рис. 3. Шишкино. Изображение дикой лошади (большой рисунок).

Вполне допустимо, следовательно, полагать, что эти дополнительные знаки одновременны основному изображению и связаны с ним внутренним смыслом, хотя окончательной уверенности в этом нет.

Особо следует отметить, что вся огромная фигура животного рассечена по горизонтали широкой продольной трещиной. Верхняя часть скалы при этом выдается над нижней в виде небольшого карниза, а линии рисунка оказываются не только разорванными, но и смещеными в горизонтальном направлении. В результате создается впечатление, что после написания рисунка скала была разорвана горизонтальной трещиной, а нижняя часть ее сильно опустилась и осела таким образом, что сместилась на несколько сантиметров вправо. Благодаря этому разошлись и линии рисунка.

Во всяком случае трудно предполагать, что древний мастер был настолько беспомощен, что не смог совместить простых вертикальных линий своего рисунка на пересеченной трещиной плоскости скалы.

Этот факт выразительно свидетельствует о древности описанного рисунка. О том же говорит и степень сохранности скалы, на которой он нанесен; верхний слой ее ниже изображения коня полностью уничтожен выветриванием. Изображение сохранилось только потому, что над ним выступает уже отмеченный выше карниз, предохраняющий его от дождевой воды.

Но еще определенное о глубокой древности изображения свидетельствует оно само — сюжетом своим и стилистическим характером.

Что касается сюжета, то описанное изображение лошади явилось в 1941 г. единственным в своем роде среди рисунков, сделанных краской, не только на Лене, но и вообще в Сибири. На древнейших ленских и других сибирских лесных писаницах, выполненных красной краской, которые можно в большинстве случаев датировать неолитическим периодом или бронзовым веком, из числа звериных изображений обыкновенно чаще всего встречаются лосиные фигуры, выполненные в хорошо известной, характерной и стилистически устойчивой манере. Рисунки же лошадей, тем более такого размера и стиля, среди них до сих пор еще ни разу не встречались.

И это вполне понятно, так как в неолите и развитом бронзовом веке таежных районов на верхней Лене господствовал такой же, как сейчас, таежный ландшафт с соответствующей ему фауной.

Лошадь — животное, по преимуществу, открытых травянистых пространств. В условиях же сплошной хвойной тайги каменного века или бронзовой эпохи на верхней Лене, где, как и в других таежных районах Сибири, не было обширных лугов, дикая лошадь не смогла бы существовать.

Кроме сюжета, шишкинский рисунок лошади отличается от неолитических рисунков животных и от близких к ним по времени изображений бронзового века также и своими стилевыми чертами. В нем нет той особенной графической четкости, того зрелого реалистического совершенства и художественной законченности, которые сразу же выделяют произведения неолитических мастеров среди всех других писаниц.

Он выполнен в совершенно другой, широкой и размашистой манере. Мастер смело и решительно вычерчивает широкими линиями контуры большого тела животного. Но он не в состоянии точно взвесить соотношение частей изображаемого тела, а затем скомпоновать их и представить на плоскости в тех же соотношениях, как в действительности. Он был столь же решителен, сколь и неопытен. В его работе много непосредственного и вместе с тем детски-наивного. Можно сказать, что от нее веет дыханием подлинной архаики, настоящим младенчеством искусства, в то время как произведения неолитических мастеров отмечают наиболее высокий уровень, которого достигло в своем развитии реалистическое искусство древних племен Сибири.

Полностью исключена также возможность датировки описываемого изображения лошади более поздним временем, т. е. железным веком.

Правда, если в неолитическое время и в бронзовом веке на наших лесных писаницах вообще не встречаются изображения лошадей, то многие местные писаницы железного века, курумчинского типа, часто изображают одних только лошадей. Наглядным примером могут служить, прежде всего, десятки и сотни изображений на тех же шишкинских скалах в ближайшем соседстве с большим рисунком коня. Но достаточно одного взгляда на курумчинские изображения лошадей, чтобы сразу же отказаться от попытки найти в них что-либо общее с этим рисунком.

Писаницы железного века, оставленные носителями курумчинской культуры, древними курыканами орхонских надписей выполнены в совершенно другой технике; по всему своему облику, по стилю и, наконец, размерам они совсем не похожи на описанный огромный рисунок лошади.

Таким образом, располагая здесь же, на шишкинских скалах, необходимым материалом для сравнения с наскальными изображениями различного типа и времени, мы могли в 1941 г. констатировать, что описываемое монументальное изображение коня не только по своему местонахо-

ждению на одном из самых высоких и обособленных уступов шишкинских скал, но и по всему облику стояло особняком от всех остальных изображений, покрывающих эти скалы.

Остальные шишкинские рисунки своим обилием и разнообразием только подчеркивают специфические особенности и резче оттеняют своеобразный облик этого рисунка, тем самым еще больше усиливая его изолированность.

Мы не можем, следовательно, датировать данный рисунок ни железным веком, когда изображение лошади являлось господствующим сюжетом в писаницах, ни бронзовым веком и неолитом, когда их вовсе не было на Лене.

Остается только одна возможность — отнести данное изображение к более раннему времени, чем эпоха бронзы и неолита, т. е. к палеолиту. И как раз именно в это отдаленное время, как показывают раскопки многочисленных палеолитических поселений, дикая лошадь была обычным жителем сухих и безлесных территорий Старого Света, простиравшихся на многие тысячи километров — от нынешних арктических островов до северного Китая, от Маньчжурии до Пиренеев.

Об этом давно уже писал И. Д. Черский, указывавший, что «нахождение столь многочисленных остатков лошадей внутри полярного круга, как животных, требовавших хорошего подножного корма, . . . имеет для нас значение, равносильное с нахождением там же костей и других представителей более южных широт Сибири (тигр, сайга, благородный олень), так как свидетельствует о значительно изменившихся с тех пор климатических и ландшафтных условиях Северной Азии».¹

Обилие диких лошадей в четвертичное время на территории Сибири подтверждается тем, что в списке фаунистических остатков, собранных Ново-сибирской экспедицией 1885—1886 гг., кости дикой лошади занимали по своему количеству второе место: северному оленю принадлежат 794 кости (133 особи), лошади 659 костей (от 50 особей).

М. В. Павлова подсчитала, что в числе костей, собранных на севере Сибири в 1900—1903 гг., преобладают кости дикой лошади: их было 275 из 540 экземпляров.²

За стадами этих животных, находивших обильную пищу в степях и, отчасти, в тундрах позднеледникового времени, следовал во время своих охотничьих предприятий первобытный человек, кисти и резцу которого принадлежат нередко изумительные по своей реалистической силе и живости изображения диких лошадей того отдаленного времени. Простота и общая схематичность шишкинского рисунка не позволяют, к сожалению, с полной уверенностью судить об отношении изображенной на нем лошади к определенным породам древних лошадей. Исследователи фауны палеолитических памятников полагают, что в западноевропейских рисунках того времени отражены конституционные особенности лошадей трех основных пород. Первая порода «лесная», крупного размера, от которой произошли современные европейские породы домашней лошади. Изображения этих лошадей относят к более раннему, домадленскому времени. Вторая порода лошадей, о которой можно судить

¹ И. Д. Ч е р с к и й. Описание коллекции послетретичных млекопитающих животных, стр. 68—69. — В. И. Г р о м о в. Краткий систематический и стратиграфический обзор четвертичных млекопитающих. В сб. «Академику В. А. Обручеву к 50-летию научной и педагогической деятельности», т. II., М.—Л., 1939, стр. 188.

² М. В. П а в л о в а. Описание ископаемых млекопитающих, собранных Русской полярной экспедицией в 1900—1903 гг. Научные результаты Русской полярной экспедиции 1900—1903 гг. под начальством барона Э. А. Толля. Отдел С. Геология и палеонтология, вып. 7-й. Зап. АН, сер. физико-математического отд., т. XXI, СПб., 1906, стр. 3.

по изображениям мадленской эпохи, степная, сходная с лошадью Пржевальского, низкорослая и большеголовая, сплошь покрытая густой шерстью. Третья — тарпан.

Мы должны ограничиться констатацией того только факта, что в шишкинском рисунке с характерной для палеолитического искусства полной отчетливостью переданы главные и наиболее существенные черты реальной дикой лошади, с ее тяжелым массивным телом, горбоносой мордой и широким пышным хвостом, причем общий облик животного вызывает в памяти скорее всего образ лошади Пржевальского (рис. 4).

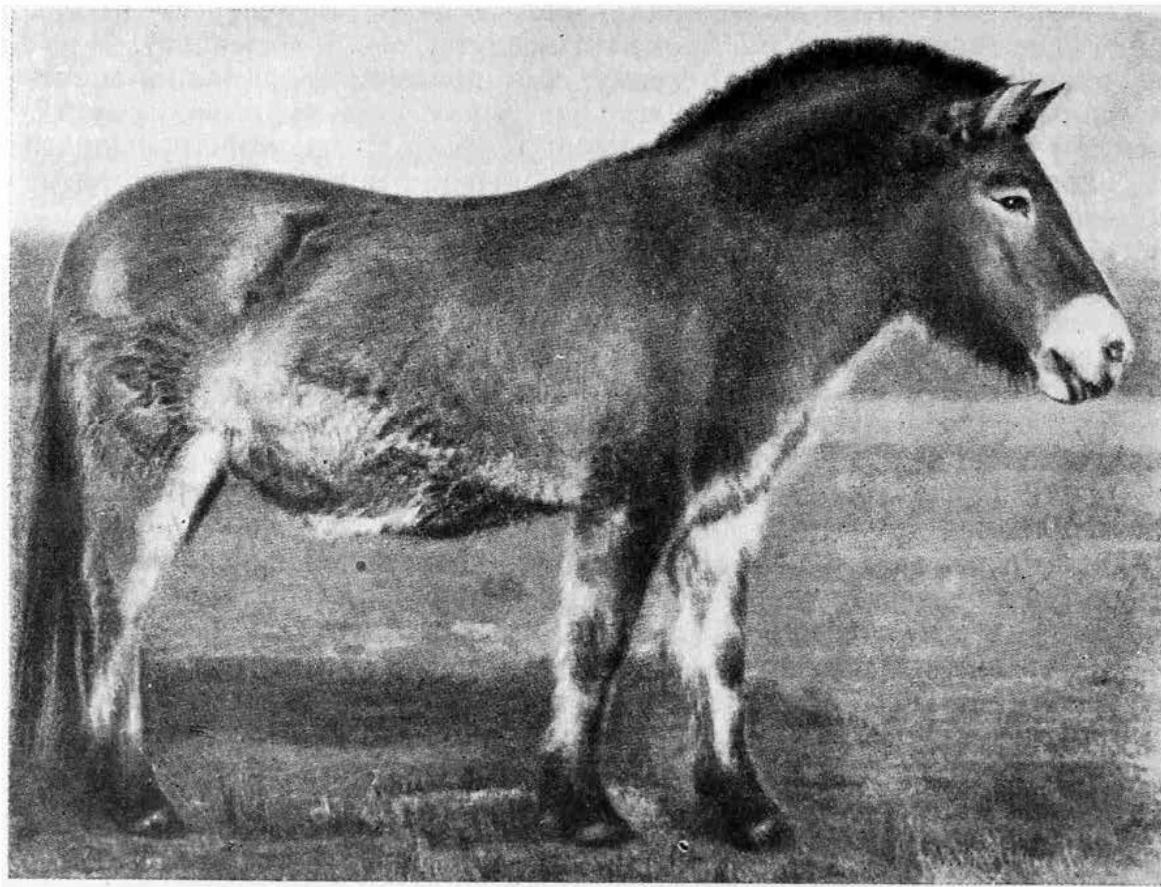

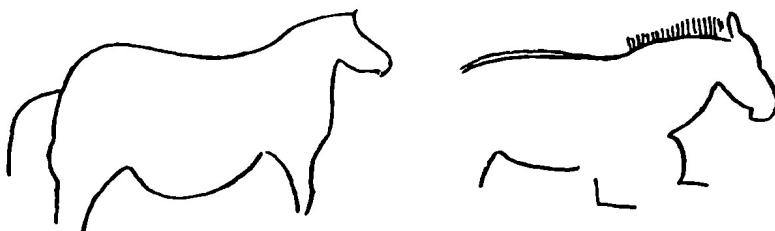
Рис. 4. Лошадь Пржевальского.

Сравнивая далее рисунок из Шишкино с сохранившимися до нашего времени западноевропейскими изображениями лошадей палеолитического времени, нетрудно обнаружить в них признаки единства стиля, реалистического в основе. При этом, по общей манере выполнения — довольно грубой и простой, а также по контурному характеру рисунка, ленское изображение лошади кажется наиболее близким скорее самым ранним, ориньяским или солютрейским образцам западного палеолитического искусства, чем мадленским в их классических образцах.¹ Отсюда, впрочем, вовсе еще нельзя делать выводов о столь раннем возрасте данного рисунка, так как черты большей примитивности могут объясняться и некоторым общим упадком древнего реалистического искусства к концу палеолита во всем Старом Свете. Как известно, в последние моменты мадленского

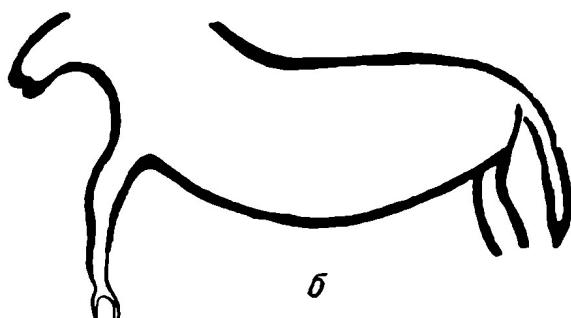
¹ Ср. рисунки лошадей в Хорнос де-ла-Пенья и Кастильо (ориньяк), в Комарг (ранний мадлен), Ля-Пасье, Ля-Пилета (поздний мадлен) и т. д. Н. К ѿл. Kunst und Kultur der Vorzeit Europas. Das Paläolithikum, 1929, рис. 33, стр. 174—175, рис. 65, 66, табл. III.

времени снова наблюдается преобладание скромной линейно-графической манеры, близкой к ориентальной, над прежней иллюзионистической живописью ранних мадленских «импрессионистов».

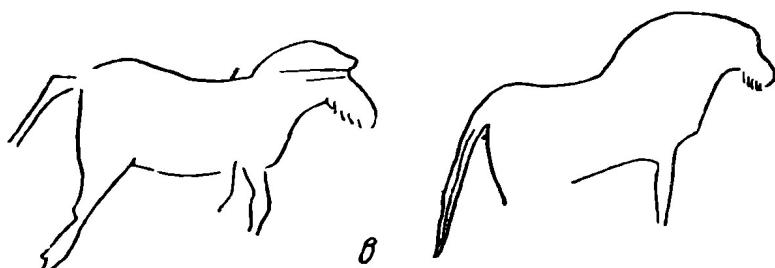
Если взять эти поздние мадленские рисунки во всей их массе, то на фоне обычных «средних» рисунков, а не одних только самых выдающихся классических изображений, шишкинское изображение лошади не будет

а

б

в

Рис. 5. Изображения диких лошадей.
а — Испания, б — Шишкино (малый рисунок), в — Франция.

особенно резко выделяться своей архаической манерой. Оно скорее сольется с ними (рис. 5 и 6).

Большой интерес представляют сами по себе исключительно крупные размеры описываемого изображения лошади.

Она изображена более чем в натуральную величину. Таковы же по размерам и многие изображения животных в палеолитической пещерной живописи Западной Европы. Известно, например, что в Альтамирской пещере, где полихромные изображения расположены на выпуклостях низко свисающего потолка каменной галереи, фигуры бизонов обычно имеют в длину около 1.5 м (1.29—1.75 м). Ту же величину имеют

изображения кабанов, т. е. они даны в действительно натуральных размерах, как и одно из изображений лани, достигающее 2,20 м.¹

А. С. Гущин правильно, повидимому, объясняет эту черту палеолитической живописи стремлением изобразить животное наиболее точно, во всей его конкретности, в полном соответствии с действительным обликом и даже величиной, что в свою очередь вызвано производственно-магическими целями, руководящими первобытным художником.

Всего сказанного выше достаточно для того, чтобы признать описанное изображение лошади памятником искусства палеолитического времени.

Таким образом, шишкинский рисунок является реалистическим воспроизведением образа реальной дикой лошади, существовавшей на Лене в конце ледниковой эпохи. Он принадлежит кисти палеолитического человека той отдаленной эпохи, современника ископаемой четвертичной фауны конца ледникового и послеледникового времени.

До сих пор подобные наскальные или пещерные изображения палеолитической эпохи, выполненные в росписной технике, краской, не только восточнее, но и западнее Уральского хребта, в пределах Восточной Европы, известны не были.

К палеолитическому времени относят только примитивные нарезки на стенах одного из гротов Мгвимеви² на Кавказе и резные же рисунки различного рода в гротах «Каменной Могилы» у Мелитополя, часть которых сплошь закрашена охрой внутри линейных резных контуров.³

Сказанным определяется значение найденного в 1941 г. на шишкинских скалах рисунка лошади как первого не только в Северной Азии, но и во всей нашей стране красочного произведения первобытных палеолитических мастеров, первого образца их оригинальных росписей, оказавшегося там, где, казалось бы, его меньше всего следовало ожидать, — далеко на севере и востоке от Пиренейских гор и Средиземного моря, в верховьях одной из величайших рек Северной Азии, уходящей отсюда еще далее на север, в глубь арктических пространств, к суровым берегам Ледовитого океана.

Нельзя не вспомнить в этой связи, что в свое время П. А. Кропоткин, впервые обративший внимание на ледниковые отложения Сибири и на террасы Лены с толщами лёссовидных суглинков, содержащих ископаемую четвертичную фауну, тогда же признал глубокую древность ленских скал в их современном виде. По словам исследователя, «они и теперь сохранили ту самую форму, которую имели в то время, когда у подошвы их отлагались постплиоценовые осадки, ибо поверх этих осадков мы находим лишь самое ничтожное количество осыпей даже и там, где они не могли быть снесены водою».⁴

Это утверждение знаменитого исследователя, пионера четвертичной геологии Восточной Сибири, а вместе с тем и высказанные выше положения о глубокой, палеолитической древности изображения лошади, обнаруженного в 1941 г., получили новое подкрепление в столь же неожиданных и столь же счастливых находках 1947 г., после которых описанный выше

¹ А. С. Гущин. Происхождение искусства. М.—Л., 1937, стр. 67. — Е. Cartailhac, Н. Breuil. La Grotte d'Altamira à Santillane près Santander (Espagne), Монако, 1906, стр. 81—108.

² С. Н. Замятин. Пещерные навесы Мгвимеви близ Чиатури. СА, III, М.—Л., 1937, стр. 57—77.

³ М. В. Водоводский. Важнейшие открытия советской археологии в 1938 г. ВДИ, № 1, 1939, стр. 250. — О. Н. Бадер. Древние изображения на потолках гротов в Приазовье. МИА СССР, № 2. Палеолит и неолит СССР, М.—Л., 1941, стр. 126—139.

⁴ П. А. Кропоткин. Отчет об Олекминско-витимской экспедиции. СПб., 1873, стр. 185—186.

замечательный рисунок перестал быть единственным в своем роде и изолированным.

Первая такая находка была сделана в ближайшем соседстве с описанным большим изображением лошади на «тридцатом камне».

Это было второе изображение того же самого животного, значительно меньшее по размеру, но по своим стилистическим признакам настолько близкое к нему, что его можно было бы считать копией большого изображения, если бы не некоторые частные отличия в деталях и пропорциях.

Оно оказалось на той же скале и всего лишь в 3—4 м от большого рисунка, несколько ниже его по вертикали, у левого края скалы.

Рисунок не был обнаружен в 1941 г. из-за степени сохранности этого изображения, выполненного такой же красной краской, как и первое: краска настолько выцвела и слилась с основным красноватым фоном

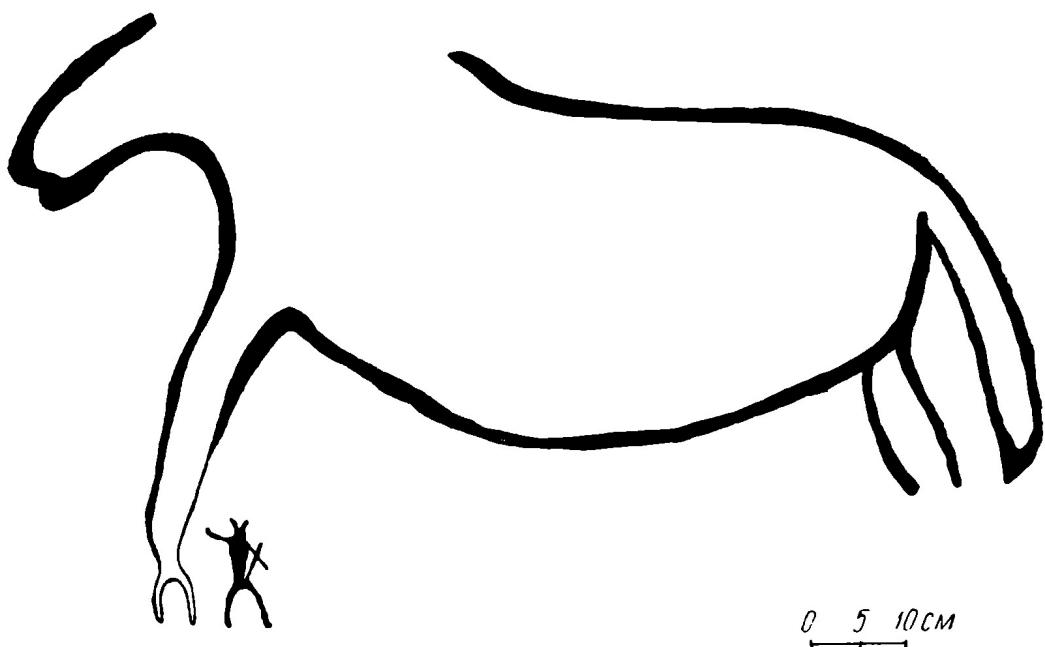

Рис. 6. Шишкино. Изображение дикой лошади (малый рисунок).

скалы, что спачала был обнаружен лишь хвост животного, а затем, уже при детальной и тщательной промывке скалы, обнаружились остальные части изображения, тоже выполненные одной лишь толстой контурной линией.

Лошадь, как и на первом рисунке, дана в строго профильном изображении, с головой, обращенной вниз по течению реки и влево от зрителя. Туловище ее такое же тяжелое и массивное; брюхо очерчено широкой выпуклой дугой. Спина же у головы круто выгибается кверху и переходит в широкую толстую шею, поднятую кверху. Голова совершенно такая же, как и на первом изображении, только более суженная книзу. Рот отмечен аналогичным вырезом губ, довольно массивных и утолщенных. Хвост, в отличие от большой фигуры, сохранился здесь целиком. Он заканчивается не бахромой, а косым срезом. Так, вероятно, заканчивался и пострадавший от выветривания хвост большой лошадиной фигуры. Ноги малого коня нарисованы более схематично, а нижние части их сильно пострадали впоследствии (рис. 6, 7). Длина изображения — 1.18 м, ширина — 64 см.

Интересно, что внутренняя поверхность изображения, между его внешними линейными контурами, была сплошь зашлифована в более позднее время. Судя по широкому распространению техники вышлифовки

писаниц в курыканских рисунках, именно к курыканскому времени и следует относить работу нашего шлифовальщика. Такое внимание курыканов к древнейшему изображению лошади, конечно, не случайно. Страстные коневоды, у которых культ коня, несомненно, занимал важное место в жизни, курыканы не могли равнодушно пройти мимо этого столь близкого им по сюжету рисунка. Глубокая же древность последнего только увеличивала его культовое значение и должна была придавать ему в глазах позднейших почитателей божественного коня отпечаток таинственного, сверхъестественного происхождения и особой святости.

Третий рисунок из этой серии древнейших изображений на шишкинских скалах найден был также в 1947 г., но отдельно от остальных, на «двадцать восьмом камне», в его среднем ярусе. Он изображает быка. Местонахождение этого рисунка тоже было предварительно осмотрено в 1941 г., но открыт он был, как и второй рисунок лошади, при специальном тщательном изучении шишкинских скал в 1947 г. И здесь сначала я увидел лишь одну косую полосу выветрившейся и выцветшей красной краски. При тщательной промывке скалы на этой полосе оказалась отчетливо прорисованная широкая кисточка и линия хвоста над ней. Затем обнаружилось туловище зверя; появились ноги и голова, и перед нами неожиданно вырос новый представитель изчезнувшего животного мира прошлых эпох — дикий бык, изображенный в совершенно такой же стилистической манере и теми же техническими приемами, как и две ранее описанные фигуры лошадей (рис. 8, 9).

Найдка такого изображения, по стилю и технике аналогичного фигурам лошадей, особенно ценна и важна тем, что дикие быки столь же характерны для палеолита Сибири, как и дикие лошади.

Остатки диких быков обнаружены уже в старейших палеолитических поселениях Сибири — Мальте и Бурети. В древних жилищах Малты и Бурети найдены не только кости конечностей быков, но и целые черепа этих животных. Быки, вместе с лошадьми и куланами, продолжают населять обширные открытые пространства Сибири и после исчезновения важнейших представителей «мамонтовой фауны» верхнего палеолита — сначала носорога, а затем и самого мамонта. Многочисленные остатки быков рассеяны и в вечномерзлых толщах северной Сибири, вплоть до далеких островов арктических морей, а совсем недавно в золотоносных песках р. Колымы были найдены мягкие части трупа дикого быка четвертичной эпохи с приставшими к его шерсти самородками золота.

Никаких бесспорных следов существования дикого быка в последующее время на территории сибирской тайги и тундры, однако, не встречено. Единственным исключением является только во многом еще загадочная находка зубов домашнего быка на стоянке М. Мунку вблизи Олеуминска, где наличие быка можно объяснить соседством с районами древнего скотоводства в степях Забайкалья и Монголии, откуда в самом конце неолита мог спорадически проникать рогатый скот и на среднюю Лену.

Очень показательны в этом отношении и древнейшие наскальные изображения таежных областей Сибири, где нет ни одного рисунка быка. Его не могло быть здесь, кроме средней Лены, в позднем неолите, по той причине, что дикий бык, как и дикая лошадь, не мог бы прожить в тайге не только зимой, когда она покрыта глубоким снегом, но даже летом, потому что в глухом таежном лесу нет сколько-нибудь подходящего для корма коров травяного покрова. Да и в современной Якутии, как известно, крупный рогатый скот требует больше всего усилий со стороны человека в зимнее время для его пропитания и ухода за ним: для него именно строят на зиму теплые помещения, хотоны, в прошлом составлявшие непременную часть якутского зимнего жилья (саха-балагана), где коровы проводили

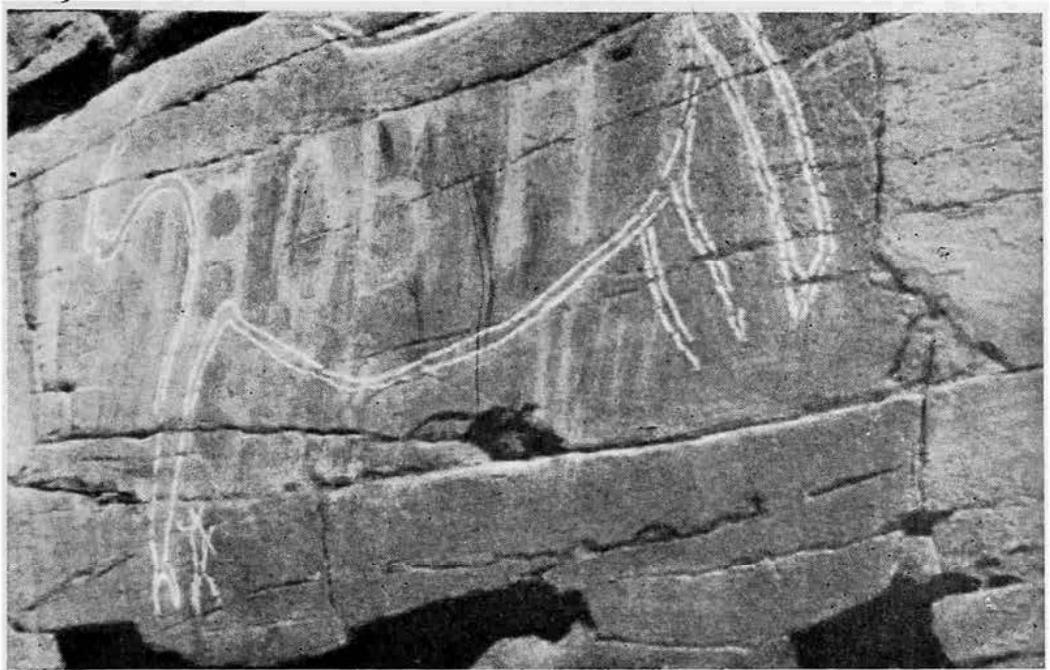

Рис. 7. Шишкино. Изображение дикой лошади, малый рисунок.

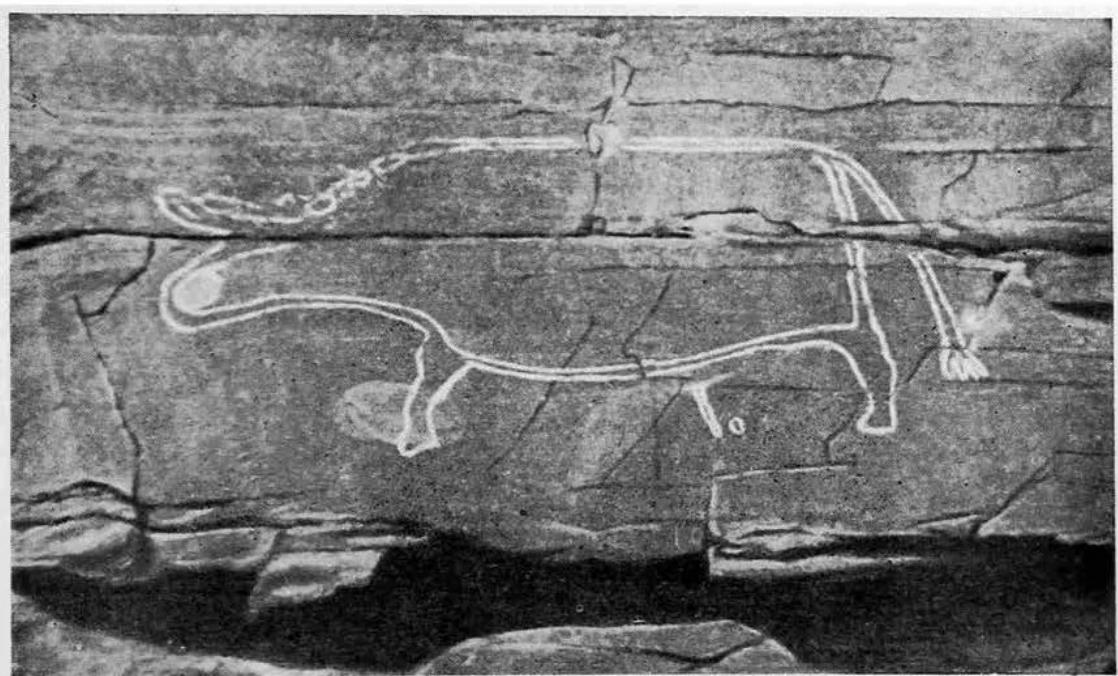

Рис. 8. Шишкино. Рисунок дикого быка.

долгую северную зиму в тесном соседстве с людьми, дышали одним воздухом, пользовались теплом от одного общего очага.

Открытие на шишкинских скалах этого своеобразного и архаического по стилю изображения быка еще более подкрепляет и усиливает, таким образом, высказанное мною уже в 1941 г. мнение о палеолитическом возрасте древнейших ленских рисунков.

Изображение находится под глубокой трещиной в скале, на высоте около 3 м от уровня пола карниза (рис. 8, 9). Фигура животного в длину имеет 1.12 м, в ширину — 0.55 м. Она прорисована по контуру широкой полосой красной краски вдоль туловища. Ноги животного внутри контуров сплошь закрашены краской. Бык показан, как и обе лошади на предшествующих двух изображениях, строго в профиль. Головой он также обращен влево, т. е. вниз по реке. Туловище его тяжелое и грузное, почти прямоугольное. Линия спины животного прямая, около головы она круто

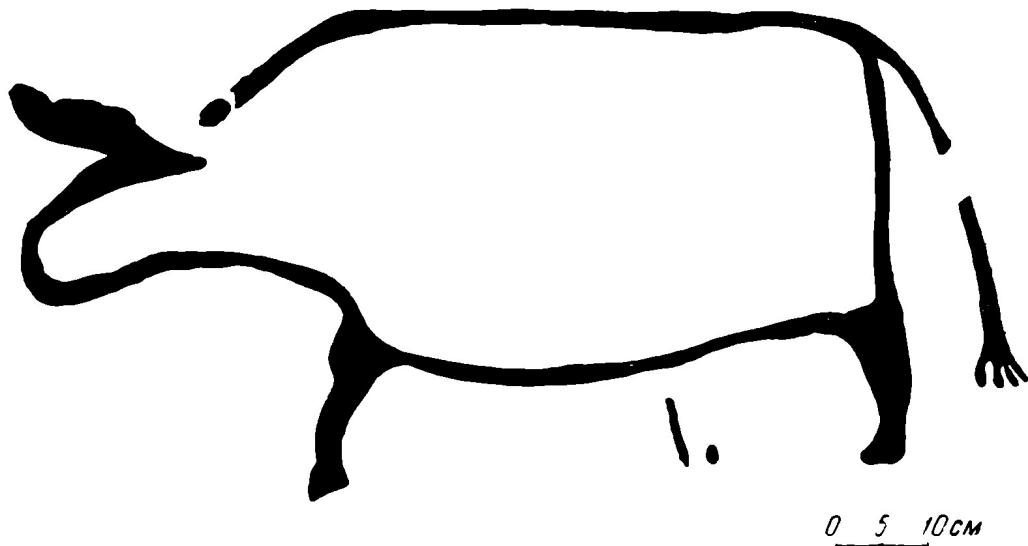

Рис. 9. Изображение дикого быка. Шишкино.

опускается вниз, очерчивая опущенную вниз широкую, типично бычью шею. Голова животного широкая и округлая на конце. Над ней заметны остатки выветрившихся рогов в виде широкой дуги, обращенной вверх и вперед. Хвост животного, толстый и прямой, вытянут наискось от туловища и утолщается к концу. На конце хвоста имеется широкая кисть с четырьмя округленными концами.

Брюхо животного слегка выпуклое. Ноги его короткие и кривые, копыта на них, особенно на передней ноге, обрисованы тщательно. Они тупые и массивные и, как на лошадиных фигурах, тоже в виде ступней. Заостренное внизу переднее копытце изображено при этом таким образом, что кажется, будто бык слегка поднял ногу над землей и ставит ее на передний, острый конец копыта, а не на его плоскую нижнюю часть. В таком же, как мы видели, положении изображено и копыто большой лошадиной фигуры.

Признаки пола на описываемом рисунке, как и на втором рисунке лошади, отсутствуют. Под брюхом его виден только знак в виде вертикальной палочки с округленными концами и расположенного рядом небольшого овального пятна. Оба дополнительных знака нанесены той же краской, что и весь рисунок.

В том, что на этом рисунке изображен именно бык, а не какое-либо другое животное, не может быть сомнений. Древнему мастеру удалось

живо и убедительно передать не только общий вид тяжелой фигуры этого животного, но и его характерную позу. Бык изображен с опущенной и вытянутой вперед головой; похоже, что он неожиданно остановился и застыл на ходу, как вкопанный.

Рисунок в целом вызывает впечатление грузной и тяжеловесной мощи. Вытянутый назад хвост, опущенная вниз голова и крутой горб при переходе от шеи к спине еще яснее подчеркивают это впечатление и придают изображению особый динамический оттенок; рисунок как бы заряжен неудержимой внутренней энергией и стремлением вперед.

Древний художник, оставивший это изображение, как и те мастера, которые нарисовали двух диких лошадей на шишкинских скалах, не был расточителен в своем искусстве. Тем не менее, даже и ограничивая себя самыми скучными и сдержаными техническими средствами, он проявил не только превосходное знание натуры, но и замечательное умение передать одним простым линейным контуром самое важное и существенное в изображаемом объекте.

Как изображение быка, так и фигуры лошадей одинаково просты и примитивны по форме, но они глубоко реалистичны, как и все вообще древнейшие, палеолитические изображения животных: от них одинаково веет той особенной свежестью впечатления и неистребимой жизненной силой, которые неотделимы от творчества первых художников человечества.

Бык из Шишкино является поэтому таким же далеким северным собратом замечательных быков с росписей Альтамиры в Испании, как и лошади Шишкино — лошадей прославленных пещерных росписей франко-канабрийской области древнекаменного века.

Конечно, полного сходства в данном случае ожидать и требовать нельзя, так как следует учитывать хотя бы огромное расстояние, отделяющее верховья Лены от Франции, и различие между двумя основными группами палеолитических изображений — капсийских, с одной стороны, франко-канабрийских — с другой, несмотря на их близкое соседство. Но тем интереснее, что, несмотря на колossalные пространства, разделяющие долину Лены, с одной стороны, и Пиренеи — с другой, здесь снова может быть установлено не только самое общее соответствие между памятниками палеолитического искусства, но и некоторые более близкие совпадения.

Когда идет речь о верхнепалеолитическом искусстве Испании и Франции, обычно вспоминаются сначала только полихромные изображения, в которых древние художники мадленского времени впервые в мире открыли тайны ракурса и, сами не сознавая важности своих открытий, приблизились к пониманию роли света в живописи.

Наряду с подобной «импрессионистической» живописью в той же Альтамирской пещере имеются, однако, и другие, несравненно более простые рисунки, выполненные краской одного цвета. Таков, например, один рисунок быка, выполненный черной краской.¹ Как и шишкинский рисунок, это — контурное линейное изображение, лаконичное и простое по форме. Еще ближе к шишкинскому рисунку совершенно аналогичные по стилю альтамирскому быку монохромные фигуры быков из Кастильи,² Хорнос де-ла-Пенья,³ Пиндаль,⁴ Салитре (на севере провинции Сантандер).⁵ Изображение быка из Пиндаля сопровождается при

¹ E. Cartailhac et H. Breuil. La grotte d'Altamira, стр. 70, рис. 52.

² S. Reinach. Répertoire de l'art quaternaire. Париж, 1913, стр. 45, 9.

³ Там же, стр. 93, 1, 2, 3, 4.

⁴ Там же, стр. 167, 4.

⁵ Там же, стр. 175, 1, 4, 5, 6.

этом круглыми и овальными пятнами, напоминающими аналогичные знаки на рисунке из Шишкино (рис. 10).

Рис. 10. Изображения диких быков.
а, д — Альтамира; б — Салитре; в — Хорнос де-ла-Пенья; г — Пиндаль.

Для изображений этой группы характерна не только строго профильная линейно-контурная манера или своеобразная сухая трактовка тела животного, но иногда и обыкновение рисовать не все четыре, а только две ноги — одну спереди и другую сзади. Тем же отличаются и шишкинские рисунки.

В свою очередь не остается изолированной и такая мелкая, но характерная деталь шишкинского изображения быка, как кисточка на конце хвоста. В таком же виде она известна и на палеолитических рисунках Испании каспийского цикла (рис. 11).¹

В результате изучения шишкинских писаниц, таким образом, установлен факт, весьма важный для древнейшей истории Сибири и соседних с ней стран.

До сих пор существовало ни на чем не основанное мнение о слабой одаренности или вообще полном отсутствии каких-либо художественных способностей у той части палеолитического человечества, которая заселяла колоссальные пространства Северной Азии. Этот взгляд, связанный в своих наиболее глубоких корнях с расовой «теорией» и империалисти-

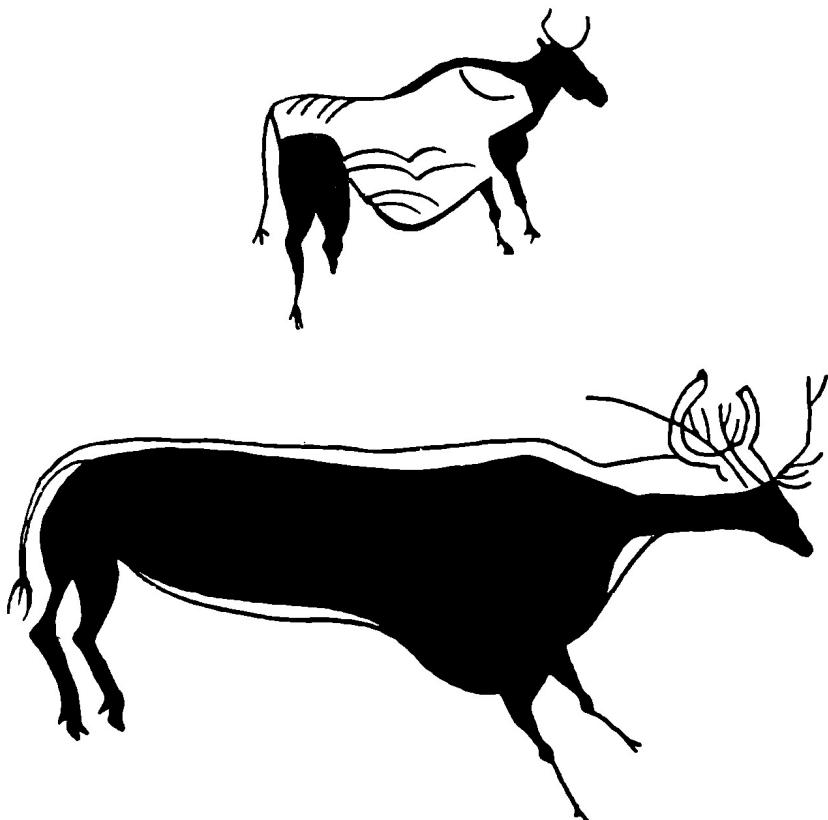

Рис. 11. Изображения диких быков. Испания.

ческой практикой, был опровергнут неожиданным открытием первоклассных в своем роде образцов палеолитической скульптуры и графики в Мальте, а затем и в Бурети.

Но на Востоке нехватало таких образцов художественной деятельности первобытного человека, которые в той или иной степени можно было бы сравнивать с прославленными палеолитическими росписями Западной Европы, с удивительным реалистическим искусством мастеров Альтамиры, Фон-де-Гом, Кастильо и других памятников этого рода.

Вновь открытые на шишкинских скалах древнейшие рисунки свидетельствуют о том, что реалистическое искусство палеолитических росписей вовсе не было чуждым палеолитическому населению восточных частей Старого Света. Более того, как уже говорилось выше, они оказались так далеко на востоке и на севере нашего континента, что раньше этого нельзя было и предполагать.

¹ H. Breuil et M. Burkitt. Les peintures rupestres d'Espagne. VI. Les abris peints du Mont Arabi près Secla (Murcia). L'Anthropologie, т. XXIV, 1914, рис. 2.

Объясняется это, повидимому, теми особенностями шишкинских скал, которые сделали их единственным в Сибири естественным музеем древнего изобразительного искусства — в первую очередь их особо благоприятными условиями для сохранения рисунков различного рода.

Рис. 12. Символические изображения знака женского пола.
а — Шишкино, б — в — орионьские местонахождения Франции.

Не менее важны, повидимому, и другие факты, с которыми связано было самое появление этих рисунков и их непрерывное накопление в ходе последующих тысячелетий. Колossalная вогнутая дуга скалистых обрывов на протяжении 2.5 км, у подножия которой течет р. Лена, не могла, очевидно, не привлекать к себе первобытных охотников своими удобствами для облавных охот на копытных животных, начиная уже с того отдаленного времени, когда под шишкинскими скалами вместо сплошной тайги расстилались такие же бескрайние степи, луга и тундры леднико-

вой эпохи. Наглядным доказательством этого предположения является палеолитическое поселение у самого подножия шишкинских скал, на второй надпойменной террасе у «первого камня», вблизи сухого в настоящее время ручья.

Палеолитические охотники, как известно, всегда стремились устраивать свои лагеря вблизи подобных крутых обрывов и ущелий, где они могли легко добывать пищу своими нехитрыми охотниччьими приспособлениями и грубым вооружением. Нет ничего удивительного и в том, что они, подобно своим позднейшим потомкам, там же, у подножия этих скал, служивших им гигантскими западнями-ловушками, совершали охотничьи магические обряды и танцы-пантомимы. Неразрывной частью таких обрядов было, как известно, нанесение на скалы изображений тех животных, на которых они здесь охотились, т. е. в первую очередь именно диких лошадей и быков-бизонов, чьи реалистические образы на ленских утесах дошли до нас из глубины времен.

Шишкинские рисунки дают возможность также приблизиться и к пониманию внутреннего смысла тех обрядов, с которыми связано их возникновение. Под брюхом большой лошади имеется миндалевидная фигура, хорошо известная и в палеолитическом искусстве Запада, где она разъясняется исследователями как знак женского пола (рис. 12). Такого мнения придерживается и П. П. Ефименко. Связь этого знака в Шишкино именно с фаллической фигурой жеребца указывает на то, что здесь символически представлен *coitus*. Фаллическая обрядность, очевидно, и здесь имела в основе магию плодородия, стремление размножить зверей, как это наблюдается в позднейшей этнографической действительности у отсталых охотничьих племен.
